

лил его как неоструктурализм с элементами семиотического подхода) в исследовании ритуалов доказало правомочность и результативность использования методов семиотического и дискурс-анализа в религиоведении, но ограниченность и этого метода очевидна.

Полагаю, что предложенный автором эпистемологический подход позволит восполнить продуктивность семиогерменевтического анализа ритуалов выявлением в ритуальном и мифоритуальном дискурсах тех описанных автором нетривиальных параллелей (несводимых к структуралистским бинарным оппозициям), в которых осуществляется дискурсная фиксация интуиций религиозного опыта. Эпистема религиозного ритуала — особое дискурсное пространство, формируемое взаимодействием различных семиотических, герменевтических и эпистемологических процессов, которое не только представлено в отдельных ритуалах, но и организует ритуал во всем многообразии его форм, формирует упорядоченность ритуального поведения. Обращение к эпистеме мифоритуального комплекса позволит научному религиоведению приблизиться к пониманию тех семиотических кодов, которыми обладают религиозные феномены. В этом, полагаю, состоит главное достоинство рецензируемой книги.

*А. М. Прилуцкий
(РГПУ им. А. И. Герцена)*

Сэджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: НЛО, 2014.

Прошло уже около десяти лет с той поры, как в издательстве Оксфордского университета вышла книга Марка Сэджвика «Against the modern world», посвященная реконструкции интеллектуальной истории интегрального традиционализма. О ее переводе на русский язык слухи ходили достаточно давно, в Интернете даже несколько раз называли даты возможного его появления (2010, 2012); некоторые фрагменты переведенного текста были доступны в Сети, но перевода все не было. И вот, наконец, в апреле 2014 г. издательством НЛО был выпущен текст Сэджвика в переводе М. Маршака и А. Лазарева, под научной редакцией Б. Фаликова.

Книга «Наперекор современному миру» очень важна по ряду причин. Во-первых, это единственное в мире исследование интегрального традиционализма как явления, без попыток его разоблачения или пропаганды. Во-вторых, книга представляется частью сферы научных исследований, пока еще плохо знакомых российскому читателю¹, исследований в сфере того, что на Западе ныне приня-

¹ Это поле сегодня активно популяризируется в России благодаря усилиям «Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма», последним свидетельством такой деятельности стал № 4 за 2013 год журнала «Государство, религия и церковь в России и за рубежом», полностью посвященный западному эзотеризму.

то называть «западным эзотеризмом»². В-третьих, в книге немало упоминаний о России, целых две главы (12 и 13 в переводе) посвящены описанию того, что автор именует «традиционализмом в России». В-четвертых, это научное исследование, но написанное легким и доступным языком, делающим сложные вопросы близкими для неподготовленного читателя. Рецензирование этой книги представляется нам непростой задачей, причины этого мы назовем чуть позже, а пока условно разделим текст рецензии на три части: в первой познакомим читателя с содержанием книги Сэдживика, во второй рассмотрим текст с критической стороны, а в третьей поговорим отдельно о русском переводе.

Начнем с содержания книги. Прежде всего интерес вызывает подзаголовок книги — «Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века». Он почти дословно повторяет подзаголовок исследования Томаса Хакля (Thomas Nakl), посвященного кругу Эранос — «Эранос: альтернативная интеллектуальная история XX века»³. Речь о заимствовании подзаголовка вряд ли можно вести всерьез, просто оба исследования затрагивают темы забытые, либо просто незамеченные официальной историей мысли. В начале XXI в. мы присутствуем при создании новой сферы исследований, в которой табуированные по интеллектуальным, вкусовым и политическим соображениям темы вновь становятся доступными для изучения. Это изучение, в свою очередь, проливает свет на, казалось бы, известную историю под новым углом, и взору ученых открывается скрытый подтекст многих событий ушедшего века, подтекст, который можно назвать «тайным» или «альтернативным», поскольку ранее ему всерьез никто не уделял внимания, хотя влияние его на жизнь было очень значительным. Исследование Хакля о круге Эранос имеет некоторые пересечения с книгой Сэдживика (см. раздел о влиянии Элиаде на американское религиоведение, в частности с. 315), но в целом это две разные истории.

Сэдживик именует традиционализм движением, понимающим «Традицию» «как верования или практики, передаваемые с незапамятных времен, или скорее как верования или практики, которые должны были бы передаваться, но были утрачены Западом второй половины второго тысячелетия нашей эры» (с. 35–36). Своим появлением оно обязано, прежде всего, Рене Генону, Ананде Кетишу Кумарасвами и Юлиусу Эволе, а своей жизнью — многим последователям и продолжателям названных персонажей, которые, наравне с основателями, и стали героями данной книги.

Книга разделена на четыре части, каждая из которых состоит из подразделов. В первой части — «Становление традиционализма» — автор приводит краткую историю понятий и концепций, составляющих базис традиционалистского мировоззрения, рассуждая об их генезисе и истории, рассматривает становление Рене Генона как мыслителя и личности, проводит экскурс в интеллектуальную жизнь Франции начала XX в., рассказывает историю старших современников и, в каком-то смысле, учителей Генона Ивана Агели, Альбера де Пувурвиля. Там же

² Вот уже много лет Сэдживик является секретарем «European Society for the Study of Western Esotericism»

³ См.: *Nakl H. T. Eranos: An alternative intellectual history of the twentieth century* / Ch. McIntosh, trans. Brisol: Equinox, 2013.

подробно разбирается история различных тайных обществ, активность которых во Франции в те годы была очень высока и с которыми в той или иной степени была связана жизнь молодого Генона. Анализируются связи основателя традиционализма с католицизмом, мартинизмом, масонством. Кратко описывается история термина «*philosophia perennis*», которому Генон был обязан своей идеей вечной «Традиции». В этой части читатель может найти немало примечательных сведений о Геноне, в частности то, что его жизнь можно разделить на три этапа: оккультистский (до 1915 г.), католический (до смерти его жены в 1929 г.) и исламский (начавшийся с переезда в Каир). В первый период Генон маниакально стремился к получению посвящений и добился шести различных инициаций, во время одной из которых, имевшей форму спиритического сеанса, от духа последнего гроссмейстера ордена тамплиеров Жака де Моле он получил посвящение, миссией которого стало возобновление деятельности погибшего рыцарского ордена. В католическом периоде Генон активно сотрудничал с апологетическими кругами парижских католиков, плодами такого сотрудничества, по Сэдживику, стали «Заблуждения спиритов» и «Теософизм — история псевдорелигии», а также диссертация, написанная Геноном под руководством Маритена по индийской философии, которая так и не была защищена из-за отрицательного отзыва рецензента.

Вторая часть — «Традиционализм на практике» — посвящена выражению идей движения в политической и религиозной сферах. Сэдживик подробно разбирает деятельность Фитьофа Шуона, связанную с основанием им суфийского ордена, состоящего из одних европейцев, по сути, первого ордена такого плана не в исламском мире. Отдельно разбираются связи традиционализма и фашизма. Уже давно известно выражение Луи Повеля, ставшее крылатым, что «фашизм — это генонизм плюс танковые дивизии». Сэдживик вносит серьезные коррективы в такой взгляд. Прежде всего, Генон, по нему, не интересовался активной политической деятельностью, ему была важна метафизическая перспектива взгляда на мир, в то время как Эвола стремился облечь традиционалистские идеи в политическую форму, что в том числе выразилось в его попытках сближения сначала с итальянским, а затем и с немецким фашизмом. Обе эти попытки провалились все из-за той же чрезмерной устремленности к метафизической проблематике, которая проявлялась и в работах итальянского традиционалиста. Зато после Второй мировой войны Эвола стал культовой фигурой в кругах различных правоориентированных политических движений как в Италии, так и за ее пределами, и здесь метафизические идеи активно сплелись с политическими. Сходную ситуацию Сэдживик находит и в Румынии, где «Легион архангела Михаила» проводит традиционалистскую политику, объединяющую православие и профашистский взгляд на мир. С деятельностью этого движения Сэдживик связывает творчество Мирча Элиаде, которого именует «мягким традиционалистом» (с. 189), испытывавшим на себе значительное влияние Генона и Эволы (в особенности последнего), но при этом активно и последовательно не исповедовавшего их идеи. В этой же части подробно разбираются отношения внутри организаций, связывающих себя напрямую с Геноном, Эволой, Шуоном, рассматриваются их внутренние противоречия, расколы, анализируется связь идей Генона с современным масонством.

В третьей части — «Традиционализм в деталях» — рассматриваются влияния традиционализма на различные сферы интеллектуальной жизни во второй половине XX в. Прежде всего, разобрана история основанного Шуоном ордена Марьямийа, ставшего в этот период не вехой истории традиционализма, а скорее очередным эпизодом истории новых религиозных движений. Подробно разбирается влияние традиционализма на американской почве, по мнению Сэдджвика, выразившееся прежде всего в религиозоведческом наследии Мирча Элиаде, сформировавшего целую плеяду молодых исследователей религии, имплицитно разделявших традиционалистскую установку в анализе религии. Сэдджвик замечает, что «“автономное” изучение религий, основы которого заложил Элиаде, повлекло за собой революцию и в методологии, и в университетской структуре. Тысячи американских ученых, посещающих заседания AAR, в каком-то смысле продукт этой революции. Сами кафедры, на которых они работают, обязаны Элиаде своим существованием» (с. 318). К более тонким, но не менее значительным влияниям традиционализма в США можно отнести увлечение идеям Генона двух христианских монахов — католика Томаса Мертона и православного Серафима Роуза. В области образования традиционализм проявил себя в социологических исследованиях Луи Дюмона, образовательных разработках рабби Леона Ашкенази и Анри Хартунга. Отдельное место отведено террористическим итальянским движениям, руководствовавшимся идеями Эволы в своей подрывной деятельности.

Четвертый раздел — «Традиционализм и будущее» — посвящен трансформациям движения после этапного 1968 г. Русскоязычного читателя особенно должно заинтересовать то, что большой блок в нем отведен России, а именно развитию традиционалистских идей «кругом Евгения Головина» — Александром Дугиным и Гейдаром Джемалем. В отдельном разделе рассказано о влиянии Генона на современный ислам. Следует отметить, что во время своей жизни Генон почти не был известен мусульманам, его труды, игравшие значительную роль на Западе, никак не воспринимались на Востоке, но условия многополярного мира и место ислама в нем заставили мусульманских интеллектуалов искать новые формы общения с немусульманским миром, и язык Генона здесь пришелся для некоторых очень кстати. В последней главе — «Против течения» — подводятся итоги исследования и рассматриваются перспективы традиционализма как движения. Сэдджвик завершает свой труд следующими словами: «Судить традиционализм по мерке университетской диссертации столь же бессмысленно, как отвергать христианство за недостаточностью доказательств божественности Христа или ислам — за пренебрежение критически важными элементами учения о Троице. С другой стороны, Генон все же представлял Леви свою работу как диссертацию, и Леви был прав, когда рекомендовал ее отклонить» (с. 491). Сказанное демонстрирует всю неоднозначность традиционализма как движения, равно как и неоднозначность отношения к нему самого Сэдджвика.

Безусловно, «Against the modern world» является исследованием, не имеющим на данный момент аналогов, уже одно это делает книгу обязательной к прочтению для всех тех, кто в той или иной мере интересуется поднятыми в ней

темами или «по долгу службы» сталкивается с ними. Но не стоит думать, что это исследование неуязвимо для критики. Прежде всего, для книги, вышедшей в издательстве Оксфордского университета, в работе Сэджвика слишком много лирики. Во Введении мы не обнаружим серьезного обоснования авторской методологии (мы вообще не обнаружим методологии), не найдем рассуждения о терминах, употреблявшихся в исследовании (хотя слова «эзотерика», «оккультизм» и прочие имеют массу значений, и неясно, в каком их использует автор), не найдем мы и четкости структуры: книга начинается с забега вперед и рассмотрения некоего набора идей, в которых ряд книг Генона и его концепций фигурируют как центральные, в следующем же разделе читателям начинают рассказывать о том, когда Генон родился, где получил образование и т. п., такая размытость структуры производит неоднозначное впечатление. Все это усугубляет своеобразный стиль подачи автором материала, тесно связанный с его исследовательским методом. Вся проблема здесь в том, что под лозунгом «интеллектуальной истории» читателю преподается набор биографий, изложенных с разной степенью глубины и разбавленный анализом некоторых идей героев книги, где-то удачным, где-то чрезвычайно поверхностным. Это выглядит примерно следующим образом: Вася родился в таком-то году, вступил в такое-то общество, там познакомился с Петей, который родился в таком-то году и написал такие-то и такие-то книги, которые прочитал Сережа, родившийся в таком-то году и основавший политическую партию, в которую вступил Дима... Подобными историями пестрят страницы книги. Очевидно, что такая подача материала дает определенный эффект — книгу читать нескучно, она напоминает бесконечный сериал с массой новых героев и событий. Стоит отметить, что в западной академической среде легкий стиль изложения, лишенный излишнего академизма и сухости, нередко является характеристикой научной монографии, следовательно, стиль подачи материала, избранный Сэджвиком, нельзя считать чем-то экстраординарным, но при этом далеко не всегда легкость стиля в академическом исследовании становится превалирующей и подчиняет себе метод.

Читая текст «Against the modern world», всегда нужно помнить, что по своей специализации Сэджвик — исламовед, специалист по суфизму, и эта книга является шагом в сторону от его главной сферы интересов. Поэтому во многом он как исследователь зависит от других ученых, что хорошо видно по сноскам. Следовательно, целый ряд высказанных им положений должен восприниматься с известной долей осторожности. Так, его приписывание Элиаде «мягкого» традиционалистского мировоззрения выглядит достаточно спорным, ведь свести многогранную и сложную личность Элиаде с его религиозоведческим наследием к чему-либо одному, равно как и объяснить феномен американского религиозоведения второй половины XX в. традиционалистским влиянием, представляется крайним упрощением. Таким же упрощением будет сведение круга друзей Элиаде и движения «Легион Архангела Михаила» (которое смешивается автором с Железной гвардией, бывшей лишь политической партией, выражавшей идеи Легиона) к румынскому изводу традиционализма. Поверхностностью страдает анализ Сэджвиком идей Эволы, это достаточно ярко видно, если сравнить раздел, посвященный итальянскому традиционалисту из «Against...», с главой из

книги Джеймса Грегора «Интеллектуалы Мусолини: Фашистская социальная и политическая мысль»⁴.

Поскольку Марк Сэджвик не является профессиональным славистом, то представления о традиционализме на русской почве он составлял на основании сведений, почерпнутых у информаторов (А. Дугина, Г. Джемалю, Б. Фаликова и др.), что с неизбежностью привело к неадекватной картине так называемого русского традиционализма. Прежде всего спорным представляется сам этот концепт «русский традиционализм»⁵, ведь у Головина, Дугина, Мамлеева, Стефанова, Джемалю не так уж много общего, и то, что все они читали Генона и Эволу, автоматически не делает их традиционалистами. Атмосфера 60-х годов в СССР представляла собой конгломерат разнородных влияний, среди которых традиционализм был лишь одним из многих⁶. Следствием такого упрощения, в частности, стало то, что уникальная личность Евгения Головина низведена в книге до звена в цепи преемства идей Генона. В то время как сам Головин, действительно первым открывший в СССР французского мыслителя, отзывался о нем крайне скептически⁷ и, разумеется, традиционалистом себя не считал. Таких упрощений и натяжек, неоднозначных суждений в книге Сэджвика немало, и все они заставляют относиться к ней со значительной долей настороженности. При этом не стоит забывать, что вклад Сэджвика в исследование традиционализма колоссален, и самой возможностью обсуждать на академическом уровне тему традиционализма мы обязаны Марку Сэджвику — ученому-первопроходцу традиционалистского континента.

Теперь поговорим о переводе книги на русский язык. Прежде всего, скажем прямо — это не перевод. Сразу поясним, что под переводом мы понимаем прямой перевод иностранного текста на русский язык с изменением конструкций, фраз, стилистики, но с сохранением структуры и содержания книги в неиз-

⁴ *Gregor J. A. Mussolini's Intellectuals: Fascist Social and Political Thought*. Princeton, 2005. P. 191–221.

⁵ На этот счет см.: *Носачев П. Г.* К вопросу о русском традиционализме // *Точки*. 2011. № 1–2(10). С. 176–183.

⁶ Об этом подробнее см.: *Menzel B.* Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s in *The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions* / B. Menzel, M. Hagemeister, V. G. Rosenthal, eds. В., 2012. P. 151–184; *Носачев П. Г.* Пролегомены к изучению советского эзотерического подполья 60–80-х гг. XX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 4. С. 39–47; *Ровнер А.* Вспоминая себя: Книга о друзьях и спутниках жизни. Пенза, 2010; *Серебров К.* Мистический андеграунд: Герметическая традиция. М., 2002.

⁷ Вот, например, как Головин отзывался о Геноне: «Этот автор далеко не бесспорен. Если частные интерпретации и трактовки метафизических истин и символов интересны и глубоки, общая историческая или, вернее, внеисторическая перспектива представляется одновременно категорической и утопической. Трудно вообразить сверхотдаленные эпохи цивилизаций, сугубо традиционные, трудно вообразить стиль, условия, быт тогдашней жизни <...> Можно ли думать о “царстве Традиции” как о Золотом веке? Сомнительно и все же ближе к истине, ибо Генон вполне сочувствует теории циклов» (подробнее см.: <http://golovin.evrazia.org/?area=works&article=66&action=print>). По воспоминаниям Гейдара Джемалю, еще в конце 60-х гг. Головин говорил о Геноне как о звезде, которая всегда должна кому-то светить, для Головина тогда она уже погасла, но загорелась для Джемалю (подробнее см.: <http://evrazia.tv/content/geydar-dzhemal-evgeniy-golovin>).

менном виде. В том, что «Наперекор...» является переводом «Against the modern world», нас уверяет как обложка, первые страницы которой являются прямой копией оксфордского оригинала, так и данные об издании, где указаны переводчики М. Маршак, А. Лазарев и научный редактор Б. Фаликов. Отметим, что нигде нет указаний на то, что перевод по каким-то причинам мог быть чем-то дополнен или авторизирован. Но мы утверждаем, что эта книга не является переводом «Against the modern world». Чтобы убедиться в этом, мы предлагаем заинтересовавшемуся читателю провести простой эксперимент, для него потребуется компьютер с Интернетом и печатный вариант книги «Наперекор современному миру». Зайдем на сайт amazon.com и в поисковике наберем название книги Сэджвика по-английски, выйдет страничка с книгой; воспользовавшись опцией «look inside the book», сравним содержание английского варианта книги и русского «перевода»: в английском мы увидим четыре части и 14 глав, в русском — четыре части и 15 (!) глав. Вторая часть эксперимента также проста: возьмите «перевод» и откройте его на с. 371, обратите здесь внимание на первую сноску, в ней написано «письмо Дугина от 2006 года». Это не вызывает удивления? Книга издана в Оксфорде в 2004 г. и не имела переизданий, на русской версии стоит оксфордский копирайт от 2004 г., но на с. 371 мы видим сноску на письмо из будущего! Как все это возможно? Дело в том, что так называемый русский перевод является очень сильно переделанной, можно сказать искаженной, версией книги Сэджвика, причем кто ответственен за эти искажения — сам Сэджвик, переводчики, научный редактор — остается неизвестным, поскольку никаких пояснений в тексте книги нет, она подается как оригинальный оксфордский текст, без искажений, без дополнений, без вставок. Чтобы рецензента не обвинили в голословности и чтобы показать, что же было в оригинале, разберем текст «перевода» подробнее.

Все, что напечатано в русском тексте вплоть до с. 12, есть также и в английском оригинале, но далее идет огромное отличие. Пролог русского издания начинается словами: «Мне не хотелось вылезать из-под одеяла. В постели было тепло, а в комнате холодно, и чтобы прогреть ее, надо было надевать куртку, идти во двор замка, искать дрова, а потом разжигать огонь в старой чугунной печи в углу. В январе 1996 года в Северной Италии было необычайно холодно» (с. 13). В английском издании начало следующее: «It was dark save for the beam of a flashlight some floors up. Damp had mixed with smoke, and water was still running and dripping. A fireman passed me as I climbed anxiously up the stairs, but I let him pass without speaking to him, since my Russian is poor» (р. 3). Это описание Сэджвиком пожара в московской гостинице, который он пережил в момент своего визита в нашу страну в августе 1999 г. с целью сбора материалов по русскому традиционализму. Далее в английской версии идет около пяти страниц, повествующих о встречах с Дугиным и Джемалем, снабженных глубокомысленными и, отметим, во многом провидческими комментариями Сэджвика в отношении названных лиц. Комментарии эти носят вполне дружелюбный характер. Все эти страницы в русском «перевод» изъятые и заменены странным вступлением про Северную Италию, фактически «перевод» начинается только с шестой страницы оригинальной книги Сэджвика. Далее текст Пролога совпадает, но на с. 28 русского

текста встречается абзац про московский визит автора, отсутствующий в английском тексте и заканчивающийся странными словами рекомендации, данной автору его другом, американским славистом: «“Дугин — потрясающий эрудит, в своем роде блестящий ум... Но главное помнить, что эти люди на сто процентов безумны”, — говорилось в приложении к верительной грамоте от одного американского ученого, дающей мне доступ к Дугину. Безумны, по американским понятиям, может быть. Но Россия не Америка, и психическая норма — вещь относительная» (с. 29). В английском тексте на с. 3 мы встретим что-то похожее по смыслу, но написанное совсем по-другому: “Dugin is incredibly erudite, brilliant in his way... The main thing to remember is that all these people are 100 percent insane,” said an addendum to my introduction to one of these leaders, e-mailed to me by an American scholar, a Sovietologist when there was a Soviet Union, and then a collector of monarchists and fascists and “patriots” from the fringes of Russian politics». Как видно, никаких сравнений между психическими нормами России и Америки в оригинале не было.

В дальнейшем текст полностью совпадает с оригинальным английским вариантом вплоть до главы «Традиционализм в России», в оригинале названной «Нео-Евразийство в России». Дальше отличия в текстах колоссальны. На с. 367 «перевода» в начале главы дается общая характеристика деятельности Дугина на фоне краха СССР и постсоветских реалий, заканчивающаяся словами: «Когда при президенте Владимире Путине ситуация в России изменилась, традиционалистское неоевразийство Дугина перешло с периферии в политический мейнстрим, но скорее благодаря переменам, произошедшим с Россией, а не с самим Дугиным». В английском оригинале всех этих слов нет. Далее на с. 371 первый абзац открывается предложением: «Единственной формой деятельности, которую мог себе позволить кружок Головина, была имитация жизни на “Корабле дураков”. Время от времени Головин поручал “экипажу” читать поэтические, алхимические или эзотерические тексты — эти чтения продолжались днями (а порой и неделями) на фоне постоянного пьянства». В английском тексте этого пассажира нет. На с. 375 существенно изменены слова оригинала: в русском тексте написано «Александр Андреевич Проханов, лидер группы “патриотов”», в английском тексте читаем: «Alexander Andreyevich Prokhanov, leader of a group known as the Pochvenniki (Patriots)» (с. 224). Кусок текста на с. 377–381 встречается только в русском тексте, в английском похожие идеи изложены в *два* абзаца. На с. 384 в «переводе» очень странная ошибка: в русском тексте написано: «...каковы бы ни были настроения в обществе, Русская *церковь* (курсив наш. — П. Н.) обычно с симпатией относилась к исламу», и после этого дана цитата лидера общества «Память». Даже по смыслу это звучит очень странно, и неудивительно, что в английской версии мы видим совсем другой текст: «...the Russian *Opposition* (курсив наш. — П. Н.) generally spoke kindly of Islam» (с. 228). На с. 390 общее число лимоновцев по стране в русской версии названо в 2 тыс. человек, в английском тексте — 7 тыс. (с. 231). Главы 13 русского «перевода» в английской версии нет вообще. Текст этой главы немного напоминает по содержанию раздел английской книги на с. 234–237, но очень отдаленно, видно, что русский вариант написан по более поздним материалам, чем те, которые были доступны Сэджвику

в 2004 г. Кстати, в тексте немало ссылок на русские книги, не переведившиеся на английский. Отметим, что Сэдживик писал о русском традиционализме и позже, некоторые идеи из 13-й главы «перевода» напоминают его главу «Occult Dissident Culture: The Case of Aleksandr Dugin» в книге «The New Age of Russia: Occult and esoteric dimension», но лишь отдаленно. Что-то похожее на английский текст, но с большими вставками начинается с раздела об израильском традиционализме на с. 420. В 14-й главе «перевода» текст совпадает с английской 13-й главой вплоть до раздела про Нухаева (с. 464–474), которого вообще нет в оригинальном тексте. Заключение — 14-я глава английского и 15-я русского текстов — идентичны.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что если читатель хочет познакомиться с переводом книги Сэдживика, вышедшей в издательстве Оксфордского университета, то ему нужно прочесть «Наперекор современному миру» за вычетом Пролога, глав 13 и 14. Отметим, что хотя в остальной части текст соответствует английскому оригиналу, но не лишен шероховатостей и неудачных мест. Приведем лишь один пример: на с. 24 и 321 встречается некий «Вутер Ханegraаф, первый глава кафедры эзотерики в университете Амстердама» (с. 321), утверждающий, что «западная эзотерика часто игнорируется учеными, смущенными возрождением древних суеверий, сама модерность в действительности тесно переплетена с историей эзотерики» (с. 24). Здесь допущено несколько ошибок. Во-первых, эзотерика (как переведено в русском варианте) не то же самое, что «western esotericism» (термин, который использует Сэдживик в оригинале на р. 13). Эзотерика — это некоторое явление, суть которого сейчас не возьмется определить ни один серьезный западный ученый, «западный эзотеризм», напротив, — термин, предложенный современными исследователями для обозначения особого аспекта западной культуры, корни которого лежат в синкретизме эпохи Возрождения, в этом аспекте культуры нашли свое выражение и, в известной мере, синтез различные явления предыдущих эпох, такие как каббала, алхимия, гнозис, астрология, герметизм⁸. Во-вторых, на самом деле кафедра, которую возглавляет Ханegraаф, называется «Истории герметической философии и связанных с ней течений» (History of hermetic philosophy and related currents), а не «кафедра эзотерики» (что звучит и двусмысленно, и чудно одновременно), в английском тексте Сэдживик именует ее «chair of esotericism» (с. 193). В-третьих, в России в среде исследователей описываемой области уже с 2009 г. существует традиция передачи имени Ханegraафа как «Воутер», а не «Вутер»⁹. Сам амстердамский профессор недавно приезжал в Россию и выступал на конференции, организованной совместно с АИЭМ, «Иностранкой» и ЦИР РГГУ. Кажется, что переводчикам неплохо было бы ознакомиться с научной традицией, в которой была издана книга Сэдживика за рубежом, и с ее рецепцией в России, тогда всех названных ошибок можно было бы легко избежать.

⁸ Подробнее см.: *Hanegraaff W. J. Esotericism Dictionary of gnosis and Western Esotericism. Leiden, 2005. P. 336–340.*

⁹ См.: *Ханegraаф В. Я. Западный эзотеризм: следующее поколение // Aliter. 2012. №1. С. 7–23; Жданов В. Изучение эзотерики в Западной Европе: Институты, концепции и методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия. СПб., 2009. С. 5–27.*

Таким образом, можно подытожить, что русское издание книги Сэджвика вызывает очень много вопросов и прямо может ввести читателя в заблуждение: вставки в русском тексте носят во многом оценочный характер, в них, очевидно, формируется эмоциональное и негативное отношение к так называемому русскому традиционализму. Все это вдвойне странно, поскольку Дугин открыто называл Сэджвика своим другом и высоко оценивал его работу, правда, имея в виду книгу в оригинальном варианте без странных вставок. Ярким подтверждением тому служит семинар Дугина «Новый университет III», в котором Сэджвик принимал участие посредством записанного к участникам семинара обращения, где очень положительно отзывался о Дугине и его идеях¹⁰.

Вся история с «переводом», таким образом, чем-то похожа на анекдот про Евгения Головина, который, работая над изданием на русском языке писем Рильке, дописал за немецкого поэта два письма и сдал их в печать. Об этом узнали только в последний момент. Кто здесь потрудились над дополнением текста Сэджвика — неясно, ясно лишь, что он не подписался¹¹. Отметим, что вся эта ситуация выглядит плохо. И плохо не потому, что кто-то обидел Дугина или просто решил дополнить устаревший на десять лет текст Сэджвика новыми данными. Плохо это, прежде всего, потому, что у нас существует странная привычка издавать книги зарубежных авторов без предисловий и послесловий, без серьезных научных комментариев, вводящих читателя в научные традиции, в рамках которых пишутся эти книги. Предполагается, видимо, что во всем этом читатель должен разбираться самостоятельно. Если бы неизвестный автор (сам Сэджвик, переводчики, научный редактор?) хоть словом обмолвился о цели приведенных выше вставок и не выдавал текст за дословный перевод с издания, указанного на обложке, он бы показал уважение к русскому читателю, но поскольку ничего этого сделано не было, мы констатируем пренебрежительное отношение к потенциальной аудитории книги.

*П. Г. Носачев
(НИУ ВШЭ)*

¹⁰ Подробнее см.: <http://www.evrazia.tv/content/novyuy-universitet>

¹¹ Единственным указанием на то, что в русский вариант внесены какие-то изменения, которое нам удалось отыскать (кстати, после прочтения «перевода»), является пост в блоге Сэджвика следующего содержания, сделанный уже по выходе книги в свет: «...the book also contains some new material not included in the original English edition, mostly dealing with Traditionalism in Russia» (<http://traditionalistblog.blogspot.ru/2014/04/against-modern-world-in-russian.html>). Однако это не может считаться официальным уведомлением русскоязычного читателя, ведь какое отношение запись в английском блоге имеет к официальному изданию русского перевода книги? В блоге можно в любое время что угодно дописать или удалить.